

Аксиомы Джона Локка

Ведёт рубрику доктор педагогических наук, профессор **Валентин КУМАРИН**

Джон Локк родился в 1632 г. в небольшом городке Рингтон (графство Сомерсетшир). Его отец был преуспевающим адвокатом и ярким сторонником Реформации, начатой Мартином Лютером (1483–1546) в 1517 г. и направленной против засилья католической церкви, которая всей своей идеологической мощью сопротивлялась естественно-историческому прогрессу: защищала исчерпавший себя абсолютизм и не давала ходу идущей ему на смену более совершенной форме общественного устройства — демократии. Во время первой демократической революции (1640–1660) отец Локка сражался против королевской власти в рядах армии парламента, которой руководил Оливер Кромвель (1599–1658).

Воспитание в семье было, разумеется, пуританским, т.е. в духе свободы и строгости, с особым акцентом на здоровье и спорт, на независимость и самостоятельность, добропорядочность, деловитость и умение ладить с людьми, безупречную нравственность и законопослушность.

Природа одарила мальчика выдающимися способностями, и поэтому его пригласили учиться в самой престижной лондонской школе — Вестминстерской, которую он закончил с блеском и сразу же оказался в Оксфорде.

В университете Локк изучал медицину, естествознание (у Роберта Бойля!), философию, языки, включая латынь и древнегреческий, классическую литературу. Наибольших успехов добился в медицине и языках. В это же время увлёкся философией Декарта (1596–1650) — выдающегося математика, который заложил основы аналитической геометрии, ввёл понятия переменной величины и функции, обогатил язык алгебры многими обозначениями, увековечил своё имя в «Декартовых координатах». Он был также крупным физиком-теоретиком и физиологом, страстно ненавидел схоластику и схоластов, чем, прежде всего и покорило его великого почитателя. Именно у Декарта Локк перенял отвращение к заумному пустословию и всю жизнь стремился излагать свои мысли ясным и простым языком, живо и увлекательно. Его литературный стиль, чувство слова до сих пор остаются недостижимым образцом не только в педагогике, но и в философии.

Блестяще завершив обучение в Оксфорде, Локк два года преподаёт в нём древние языки, но вскоре оставляет эту работу и принимает предложение лидера пропарламентской партии вигов лорда, а затем и графа Энтони Эшли Купера Шефстбери (1621–1683), одного из крупнейших политиков Англии, стать домашним врачом и воспитателем его двух сыновей.

Оставляя за скобками дипломатическую, философскую и политическую сторону биографии Локка (упомянём лишь о том, что именно он первым выдвинул и обосновал принцип разделения властей на законодательную в лице народных избранников, и исполнительную в лице короля и судейского корпуса, — принцип, который исключает возможность абсолютизма в любом его виде) остановимся на его гениальном педагогическом труде «Мысли о воспитании», который с полным основанием можно рассматривать как эстафету научной, природосообразной педагогики, принятой от Коменского.

Локк назвал свою книгу всего лишь мыслями. Дело в том, что в его планы, как это следует из письма Эдварду Клэрку, вообще не входило сочинение какого-либо педагогического трактата, подобного его грандиозным философским трудам. Книга сложилась как бы сама собой из писем, которые он несколько лет подряд посылал Клэрку и в которых на многих страницах, обстоятельно извещал своего друга о своих педагогических размышлениях, связанных с его воспитательной деятельностью в семье графа Шефстбери. Клэрк же эти письма не только читал, но и сохранил, хорошо сознавая, кто их ему посылает. Он-то и пришёл к заключению (великое ему за это спасибо), что письма эти более, чем необычны и что адресованы они не столько ему, сколько всему человечеству. Поскольку же Бог одарил Локка не

только способностью широко и глубоко мыслить, но и превосходным литературным талантом, то всё остальное было уже «делом техники».

Обрабатывая свои письма, Локк просто не мог не воспользоваться теми впечатлениями, которые наверняка запали ему в память ещё с того времени, когда он сам был ребёнком и когда его самого тоже воспитывали. Не мог он не воспользоваться и опытом английского народного воспитания, а также историческими свидетельствами о воспитании у других народов. И получились не отдельные «мысли», а научный трактат на вечную, во все эпохи животрепещущую тему.

В 1896 году два издателя — Ф.А.Брокгауз (Лейпциг) и И.А.Ефрон выпустили том XVII своего энциклопедического словаря. В статье, посвящённой Локку, автор, подписавшийся буквами «И.Г.», заключает: «Мысли о воспитании» — столь же полезная книга теперь, как и двести лет тому назад». Сегодня в эту оценку можно внести только одну поправку: вместо слова «двести» написать «триста», а ещё через сто лет — слово «четыреста» и так до бесконечности, пока нашу планету населяют люди.

Может быть кому-то мысли Локка (врача по образованию) покажутся мало влияющими на современную практику воспитания. Но именно в этих практических рецептах сконцентрировано то, что актуально во все времена, что мы сегодня называем «Здоровым образом жизни» и чем наша школа занимается крайне слабо.

Материал даётся с очень небольшими сокращениями.

Мысли о воспитании

Аксиома 1

Здоровый дух в здоровом теле — вот краткое, но полное описание счастливого состояния в этом мире. Кто обладает и тем и другим, тому остаётся желать немногого; а кто лишен хотя бы одного, того лишь мало может компенсировать что бы то ни было иное. Счастье или несчастье человека, большей частью, является делом его собственных рук. Тот, чей дух — неразумный руководитель, никогда не найдёт правильного пути; а тот, у кого тело нездоровое и слабое, никогда не будет в состоянии продвигаться вперёд по этому пути. Правда, есть люди, обладающие столь крепкой и столь хорошо от природы слаженной конституцией — как физической так и духовной, — что они нуждаются лишь в небольшой помощи со стороны других, что одна только сила их природной одарённости, от самой колыбели, влечёт их к прекрасному, что благодаря преимуществу их счастливой природной организации они способны делать чудеса. Но примеры такого рода немногочисленны, и можно, мне думается, сказать, что девять десятых тех людей, с которыми мы встречаемся, являются тем, что они есть — добрыми или злыми, полезными или бесполезными — благодаря своему воспитанию. Именно оно и создаёт большие различия между людьми*. (с. 72).

* Т.е. благодаря созданию условий для выявления, раскрытия, возвращения и реализации врождённых способностей и выработке привычек нравственного поведения. Более строго, не давая повода для шарлатанских спекуляций, эту же аксиому формулирует А.С. Макаренко: «Человек давно научился осторожно и нежно прикасаться к природе. Он не творит природу и не уничтожает её, он только вносит в неё свой математически-могучий корректив; его прикосновение, в сущности, не что иное, — как еле заметная перестановка сил. Там подпорка, там разрыхлённая земля, там терпеливый зоркий отбор.

Наше воспитание такой же корректив. **И поэтому только и возможно воспитание.** Разумно и точно провести ребёнка по богатым дорогам жизни, среди её цветов и сквозь вихри её бурь, может каждый человек, если он действительно захочет это сделать» (Макаренко А.С. Соч. в 7 томах. — Т.4, — М., 1957. — С. 22).

Аксиома 2

Я думаю, что детскую душу так же легко направить по тому или иному пути, как и реч-

ную воду; но хотя в этом и заключается основная задача воспитания, и наша забота должна быть уделена главным образом внутренней стороне человека, однако не следует оставлять без внимания и брэнную оболочку (Clay-cottage). С последней я поэтому начну и прежде всего рассмотрю вопросы, касающиеся здоровья тела.

...Насколько здоровье необходимо нам для профессиональной деятельности и счастья и насколько каждому, кто желает играть какую-либо роль в мире, нужна крепкая конституция, способная переносить лишения и усталость, — слишком ясно, чтобы требовались какие-либо доказательства (с. 73–73).

Аксиома 3

В Англии есть люди, которые носят одну и ту же одежду и зимою и летом без всяких дурных последствий, и не ощущая холода в большей мере, чем другие. Но если в отношении мороза или снега приходится делать уступку матери из-за того, что она боится вреда, а отцу из-за того, что он боится осуждения, то пусть по крайней мере зимнее платье мальчика не будет слишком тёплым. И вы должны, между прочим, помнить, что если природа так хорошо прикрыла его голову волосами и настолько укрепила их за первые год-два его жизни, что он в состоянии почти целый день бегать с открытой головой, то лучше всего и на ночь оставлять его голову неприкрытой; ведь ничто так не предрасполагает к головным болям, к простуде, катарам, кашлю и разным другим заболеваниям, как привычка держать голову в тепле.

Высказывая изложенное, я имел в виду мальчика, потому что главная цель моего рассуждения заключается в выяснении надлежащих методов воспитания молодого джентльмена, начиная с детских лет. Эти методы не могут во всём подходить к воспитанию дочерей; однако нетрудно будет разобрать, в чём различие пола требует применения различных приёмов воспитания. (с. 74).

Аксиома 4

Упоминание о девочках заставляет меня вспомнить одну вещь, о которой не следует забывать, именно — что платье вашего ребёнка не должно делаться слишком тесным, особенно в груди. Предоставим природе возможность формировать тело, как она считает лучшим: предоставленная самой себе, природа работает гораздо лучше и точнее, чем если бы следовала нашим указаниям. И если бы женщинам приходилось самим формировать тела своих детей в своих утробах, как они часто пытаются исправлять их формы уже после рождения, мы наверное имели бы так же мало детей, хорошо сложенных от рождения, как мало встречаем таких детей среди тех, которые подвергаются тесной шнуровке или другим искусственным воздействиям. Я думаю, что эти соображения должны были бы удерживать серьёзных людей (я не говорю о невежественных нянях и корсетных мастерах) от вмешательства в дело, которого они не понимают; они бы должны были остерегаться отклонять природу от её путей в формировании членов тела, раз они не знают, как устроен хотя бы самый незначительный и наименее важных из них. Между тем я видел так много детей, страдающих от тесной шнуровки, что остаётся сделать следующий вывод: кроме обезьян, есть, по-видимому, и другие создания, которые, будучи немного разумнее обезьян, губят своих детей бессмысленной нежностью и чрезмерными объятиями.

Узкая грудь, короткое и неприятно пахнущее дыхание, больные лёгкие и искривление позвоночника — вот естественные и почти постоянные результаты ношения жёсткого корсета и тесного платья. Этот способ создавать тонкую талию и красивую фигуру приводит только к большему их уродованию. (с. 77).

Аксиома 5

Что касается пищи, то она должна быть совсем обыкновенной и простой; и я бы советовал, пока ребёнок ходит в детском платье, или, по крайней мере, до двух- или трёхлетнего возраста, вовсе не давать ему мяса. Но как это ни полезно для его здоровья или силы в на-

стоящем или в будущем, я боюсь, что родители с этим не согласятся, так как они сбиты с толку собственной привычкой есть слишком много мяса: они готовы думать, что их дети, как и они сами, если они не будут иметь мяса по крайней мере два раза в день, будут подвергаться опасности умереть с голода. Я уверен, что зубы у детей прорезывались бы с гораздо меньшей опасностью для них, что они гораздо менее были бы подвержены болезням в младенческом возрасте и у них закладывалась бы более надёжная основа здорового и сильного организма, если бы нежные матери и неразумная прислуга их не закармливали так и в первые три или четыре года совсем не давали бы им мяса. (с. 78).

Аксиома 6

На завтрак и ужин очень полезно давать детям молоко, молочный суп, кашу на воде, овсянку и целый ряд блюд, которые принято готовить в Англии; нужно только заботиться о том, чтобы все эти блюда были просты, без обильных примесей и очень мало приправлены сахаром, а ещё лучше совсем без него. Особенно же тщательно следует избегать всяких пряностей и других вещей, которые могут горячить кровь. Следует также умеренно солить их пищу и не приучать их к сильно приправленным блюдам. Наш орган вкуса именно благодаря привычке получает пристрастие к приправам и ко всяком изысканной пище; а чрезмерное употребление соли не только вызывает жажду и заставляет пить больше, чем следует, но и в других отношениях вредно действует на тело. Я думаю, что ломоть хорошо замешанного и хорошо пропечённого полубелого хлеба, иногда с маслом или сыром, а иногда и без того, мог бы часто быть лучшим завтраком для моего юного джентльмена. Я уверен, что этот здоровый завтрак сделает его столь же сильным человеком, как и более тонкие блюда; да если приучить его к такому завтраку, он и нравиться ему будет не меньше. Если мальчик просит дать ему есть не в установленное время, не давайте ему ничего другого, кроме сухого хлеба. Если он голоден, а не капризничает только, он удовлетворится одним хлебом; если же он не голоден, то ему вовсе не следует есть. Этим вы достигнете двух хороших результатов. Во-первых, привычка заставит его полюбить хлеб, ибо, как я сказал, наш вкус и желудок находят удовольствие в том, к чему мы их приучили. Другая польза, достигаемая этим, заключается в том, что вы не приучите его есть больше и чаще, чем требует природа. Я не думаю, что все люди обладают одинаковым аппетитом: у одних желудки от природы крепче, у других слабее. Но я думаю, что многие люди становятся гурманами и обжорами в силу привычки, не будучи таковыми от природы; и я вижу в разных странах, что люди, которые едят только два раза в день, так же сильны и бодры, как те, которые постоянным упражнением приучили свои желудки напоминать о себе четыре или пять раз. Римляне ничего не ели до ужина; это была единственная настоящая еда даже у тех, которые ели более одного раза в день, и те, кто имел привычку завтракать — одни в восемь часов, другие в девять, третьи в двенадцать и несколько позже, — никогда не ели мяса и не заставляли для себя готовить что-либо другое. Август, будучи уже величайшим монархом на земле, рассказывает нам, что он брал с собою в экипаж кусок хлеба. А Сенека, сообщая в своём 83-м письме, какой режим он установил для себя, уже будучи стариком, когда возраст допускал послабления, говорит, что он имел привычку съедать за обедом один лишь кусок сухого хлеба и даже не садился за стол... Повелители мира росли на этой скудной пище; и молодые джентльмены в Риме не чувствовали недостатка силы физической или духовной из-за того, что они ели лишь один раз в день. Если же случалось, что кто-либо не был в состоянии поститься до ужина, который был единственной установленной едой, то он брал только кусок сухого хлеба или — самое большое — несколько изюминок, чтобы заморить червячка.

Это правило умеренности считалось настолько необходимым для здоровья и работы, что обычай садиться за стол один раз в день устоял против наплыва роскоши, которая была занесена в среду римлян их завоеваниями и грабежами на Востоке, и те, которые отказались от старинной умеренности в еде и стали задавать пиры, не начинали их раньше вечера. **Садиться за стол больше одного раза в день считалось столь чудовищным, что со времён**

Цезаря римляне находили предосудительным устраивать пир или садиться за стол до захода солнца. Поэтому, если в том не усмотрят чрезмерной суровости, я считал бы самым подходящим давать моему юному джентльмену также и к завтраку только хлеб. Вы не можете себе представить, какую силу имеет привычка, и я приписываю большую часть наших болезней в Англии тому, что едим слишком много мяса и слишком мало хлеба. (с. 80).

Аксиома 7

Что касается времени еды, то я считал бы самым лучшим, насколько это возможно без каких-либо неудобств, не приурочивать еды к какому-либо определённом часу: ибо, если еда, по установившейся привычке, будет приурочиваться к определённым промежуткам времени, желудок ребёнка будет требовать пищи к привычному часу и будет испытывать раздражение, если этот час пропущен; в результате — или раздражение приведёт к вредному излишеству, или же желудок ослабеет до потери аппетита. Поэтому я бы не устанавливал раз навсегда одного определённого времени для завтрака, обеда и ужина, а скорее менял бы часы почти каждый день. Если же в промежутках между тем, что я называю установленной едой (meals), ребёнок захочет есть, то давайте ему, всякий раз, когда он попросит, хороший кусок сухого хлеба. Если кто-либо счёл бы такой режим питания слишком суровым и скудным для ребёнка, то пусть он знает, что ребёнок никогда не будет голодать или чахнуть от недостатка пищи, если он, кроме мяса к обеду и похлёбки или чего-либо в этом роде к ужину, будет ещё получать хороший кусок хлеба и пиво всякий раз, когда он захочет есть: такой режим я, по зрелом размышлении, считаю наилучшим для детей. Утро обыкновенно предназначается для учения, к которому полный желудок является плохой подготовкой... **Джентльмен должен воспитываться так, чтобы во все времена быть в состоянии носить оружие и стать солдатом.** А кто в наше время так воспитывает своего сына, как будто предназначает его к тому, чтобы проспять всю жизнь в изобилии и довольстве крупного богатства, которое он собирается ему оставить, тот мало принимает в соображение примеры, которые он видел, и время, в которое он живёт. (с. 80).

Аксиома 8

Из всего того, что похоже на баловство и изнеженность, ничего другого нельзя разрешать детям с большей снисходительностью, чем сон. Только в этом нужно полностью удовлетворять их желание: ничто в такой мере не способствует росту и здоровью детей, как сон. Всё, что нужно здесь регулировать, сводится к вопросу, какое время должно отводиться детскому сну. Этот вопрос легко разрешается, если мы только скажем, что очень полезно приучать детей вставать рано утром. Это самое лучшее с точки зрения здоровья; и тот, для которого встать рано, благодаря укоренившейся привычке, сделалось лёгким и привычным делом с самого детства, не станет, уже будучи взрослым, тратить лучшую и полезнейшую часть своей жизни в ленивой дремоте, валяясь в постели. Если, поэтому, будить детей надо рано утром, то отсюда следует, конечно, что они должны ложиться спать рано; тем самым они приучаются избегать нездоровой и вредной гульбы в вечерние часы; тот, кто соблюдает установленные часы сна, редко позволит себе большие отступления от нормального образа жизни. (с. 83).

Аксиома 9

Постель ребёнка должна быть жёсткой, и стёганое одеяло лучше перины; жёсткое ложе укрепляет члены, в то время как зарывание каждую ночь в перины изнеживает и расслабляет тело и часто является причиной слабости и предтечей ранней могилы. В значительной мере спаньем на перине вызываются, помимо каменной болезни, которая часто возникает от тёплого укутывания поясницы, некоторые другие заболевания, а также та нежная и слабая конституция, которая является корнем всех болезней. Далее, тот, кто привык спать дома на жёстком ложе, не будет страдать бессонницей во время своих путешествий (когда сон особенно

необходим) из-за отсутствия привычной мягкой постели или из-за того, что подушки положены не в том порядке. Мне думается поэтому, что постель ребёнка следует устраивать различным образом, так, чтобы его голова лежала иногда выше, иногда ниже и чтобы он мог стать нечувствительным ко всяким маленьким переменам, с которыми наверное будет сталкиваться всякий, кому не предназначено всю жизнь спать в удобной домашней постели и всегда иметь около себя горничную, которая бы тщательно за всем смотрела и тепло его укутывала. Сон — великое укрепляющее средство, данное природой. Тот, кто лишается его, очень страдает от этого; и очень несчастен тот человек, который может принимать это лекарство только из позолоченного кубка своей матери, а не из деревянной чашки. Тот, кто может спать крепко, принимает это лекарство, и совершенно неважно спит ли он на мягкой постели или на жёстких досках. Единственное, что необходимо — это сон сам по себе. (с. 84).

Аксиома 10

Большая ошибка, которую я наблюдал в деле воспитания детей, заключается в том, что родители редко уделяют достаточное внимание тому, чтобы сделать душу ребёнка послушной дисциплине и разуму и в тот наиболее подходящий для этого период, когда юная душа наиболее нежна и легче всего подвержена воздействию. Родители, которым природа мудро внушила любовь к детям, очень склонны, если разум не контролирует этой естественной привязанности со всей бдительностью, очень склонны — скажу я — позволять ей переходить в слепую влюблённость. Родители любят своих малюток, и это их долг; но часто они любят в своих детях также их недостатки. Нельзя — видите ли — ни в чём перечить детям; надо во всём предоставить им поступать по своей воле; а так как дети в свои детские годы неспособны к большим порокам, то родители думают, что можно без риска проявлять снисходительность к маленьким отступлениям от правильного поведения, что можно забавляться их милой шаловливостью, которая, по их родительскому мнению, вполне подходит к этому невинному возрасту. Но уже Солон очень хорошо ответил одному такому нежному родителю, который не хотел наказать ребёнка за одну северную выходку, извиняя её тем, что это неважная вещь: да, сказал он, но привычка — важная вещь.

...Тот, кто не привык подчинять свои желания разуму других, когда он молод, вряд ли будет вслушиваться и подчиняться голосу своего собственного разума, достигши того возраста, когда он способен им пользоваться. И нетрудно предвидеть, какого рода человек, по всей вероятности, выйдет из такого субъекта. (с. 88–90).

Аксиома 11

Одежду, которой мы прикрываем наши тела из скромности и в целях согревания и защиты, родители — вследствие своего безрассудства или порочности — рекомендуют своим детям для иного применения. Она стала предметом тщеславия и соперничества. Ребёнку внушается желание нового костюма ради его нарядности; а когда маленькая девочка нарядится в своё новое платьице и в новую шапочку, может ли её мамаша, называющая дочку своей королевой, своей принцессой, не научить её — самое меньшее — любоваться собой? Таким путём маленькие дети приучаются гордиться своим платьем ещё раньше, чем научились сами надевать его. А если родители их этому научили в столь раннем возрасте, то почему же им не продолжать в дальнейшем ценить себя за внешнее изящество изделий портного или модистки? (с. 90).

Аксиома 12

Мне кажется ясным, что основа всякой добродетели и всякого превосходства заключается в способности человека отказываться от удовлетворения своих желаний, когда разум не одобряет их. Эту способность надо приобретать и совершенствовать посредством привычки, которая становится лёгкой и естественной, если упражняться в ней с ранних лет. Поэтому,

если бы я мог рассчитывать, что меня послушают, то я бы посоветовал — в противоположность тому, что обычно делают — приучать детей с самой колыбели подавлять свои желания и не руководствоваться своими влечениями. Первое, чему они должны научиться — это понимать, что они получают ту или иную вещь не потому, что она им понравилась, а только потому, что она была признана подходящей для них. Если бы им давали только то, что им действительно необходимо, и всегда отказывали бы им в том, чего они требуют с плачем, они научились бы обходиться без желаемого и никогда не настаивали бы на своём с плачем и капризами; они бы и наполовину не были столь несносными для себя и для других, какими становятся обычно, если их с самого начала не воспитывают, как я предлагаю. Если никогда не допускать исполнения их желаний только из-за выражаемого ими нетерпения, они так же мало будут плакать из-за отказа в чём-либо другом, как мало плачут из-за того, что им не дают луны с неба. (с. 92).

Аксиома 13

Послушание и уступчивость, внушённые детям настойчивостью родителей в столь раннем возрасте, что дети не могут помнить, как эти качества у них появились, будут казаться детям естественными и в дальнейшем будут проявлять своё действие с силой природных качеств, предупреждая всякое сопротивление и недовольство. Нужно лишь позаботиться об одном: начать применение этого метода рано, а затем неуклонно его держаться, до тех пор, пока почтительный страх и уважение к родителям не войдут у детей в привычку, пока не исчезнут малейшие проявления непокорности с их стороны и они не проникнутся готовностью слушаться. Именно эта почтительность, если только удалось укрепить её в детях (а этого следует добиться в раннем возрасте, ибо иначе эта почтительность может быть достигнута лишь ценою усилий и побоев, которых потребует тем больше, чем позже приступить к воспитанию), в сочетании с такой мерой снисходительности, которая не позволила бы детям использовать её во зло, должна явиться в будущем, после того как дети подрастут и сделаются разумнее, средством воздействия на них; а не побои, брань или другие унижительные наказания. (с. 95).

Аксиома 14

Что это так, всякий легко согласится, если только подумает над тем, в чём заключается цель разумного воспитания и чем оно определяется.

1. Кто не имеет власти над своими наклонностями, кто не в состоянии устоять против импульса удовольствия или страдания данной минуты и следовать голосу разума, указывающего, как нужно поступить, тот не обладает истинными принципами добродетели и деятельности и рискует оказаться ни на что негодным человеком. Эта выдержка, которая является противоположностью природной стихийности, должна приобретаться своевременно; привычка к ней, как истинная основа будущей жизнеспособности и счастья, должна внедряться в душу как можно раньше, уже с первых проблесков сознательности и понимания у детей, и тот, кто следит за их воспитанием, должен её укреплять в них со всей тщательностью и всеми возможными средствами. (с. 95).

Аксиома 15

2. С другой стороны, если душа ребёнка слишком придавлена и принижена, если его ум пришиблен и сломлен слишком строгим обращением, он теряет всю свою силу и энергию и оказывается ещё в худшем состоянии, чем в первом случае. Ибо своенравные юноши, отличающиеся живостью и умом, выходят иногда на правильную дорогу и таким образом становятся дельными и крупными людьми; но пришибленные, робкие и вялые души и духовно неразвитые люди вряд ли в состоянии когда-либо подняться и очень редко чего-либо достигают. Избегнуть той и другой опасности — большое искусство, и тот, кто нашёл способ сохранить душу ребёнка непринуждённой, деятельной и свободной и в то же время — удерживать

ребёнка от многих вещей, к которым его влечёт, и направлять его к тому, что ему не совсем нравится, тот, скажу я, постиг, как примирить эти кажущиеся противоречия, **тот, по моему мнению, овладел действительным секретом воспитания.** (с. 96).

Аксиома 16

Побои.

Обычный метод воздействия наказанием и розгой, который не требует ни усилий, ни много времени, этот единственный метод поддержания дисциплины, который широко признан и доступен пониманию воспитателей, является наименее пригодным из всех мыслимых приёмов воспитания, так как он приводит к обоим упомянутым вредным последствиям; а они, как мы показали, представляют собой Сциллу и Харибду, которые, с той ли или другой стороны, губят всякого, кто сворачивает с правильного пути.

Этот вид наказания совсем не способствует преодолению нашей естественной склонности предаваться физическим и мимолетным удовольствиям и всячески избегать страданий, а скорее поощряет эту склонность и тем самым укрепляет в нас то, что является корнем всех порочных поступков и отступлений от правильной жизни. В самом деле, какой другой мотив, кроме чувственного удовольствия или страдания, руководит ребёнком, который только из страха быть высеченным корпит над книгой вопреки своей склонности или воздерживается есть нездоровый плод, в котором находит удовольствие? В данном случае он только отдаёт предпочтение большему физическому удовольствию или избегает большего физического страдания. И что собственно значит — регулировать его поступки и направлять его поведение, используя подобные мотивы? Разве это не значит — спрошу я вас — поощрять в нём то самое начало, искоренение и уничтожение которого является нашей задачей? Я не могу поэтому признать полезным для ребёнка какое бы то ни было наказание, при котором стыд пострадать за совершённый поступок не действует на него сильнее, чем само страдание. (с. 96).

Аксиома 17

Здесь позвольте обратить внимание на одну вещь, которую я считаю ошибкой обычного метода воспитания: она заключается в обременении детской памяти всевозможными правилами и предписаниями, которые часто бывают недоступны их пониманию и всегда детьми забываются сейчас же, как только они их получили. Если вы желаете, чтобы дети выполнили какое-либо действие или сделали это иначе, когда они забывают или делают это неудачно, заставляйте их много раз переделывать, пока они не достигнут совершенства. Этим вы добьётесь двух полезных результатов. Во-первых, вы увидите, способны ли они выполнить данную работу и можно ли рассчитывать, что они её выполнят: ведь от детей иногда требуют таких вещей, которых, как мы убеждаемся уже на опыте, они не умеют делать, и раньше, чем требовать от них выполнения, следовало бы их поучить и поупражнять. Но воспитателю гораздо легче приказывать, чем учить. Другая польза, которая получается от этого, заключается в том, что если дети будут многократно проделывать одно и то же действие до тех пор, пока оно не станет для них привычным, выполнение уже не будет зависеть от памяти или размышления, свойственных не детству, а зрелому возрасту, но станет у них чем-то естественным.

Так, например, для хорошо воспитанного человека кланяться джентльмену, когда тот его приветствует, и смотреть ему в лицо, когда тот говорит с ним, становится, благодаря постоянной практике, столь же естественным, что и дышать: для этого не требуется ни думать, ни рассуждать. Если вы таким путём излечили вашего ребёнка от какого-либо недостатка, вы его излечили навсегда; и таким же способом вы можете искоренить в детях один за другим все недостатки и привить им какие угодно привычки. (с. 102–103).

Аксиома 18

Этот метод обучения детей путём повторной практики, путём многократного выполне-

ния, под наблюдением и руководством воспитателя, одного и того же действия до тех пор, пока дети не привыкнут делать это хорошо, с какой бы стороны мы ни рассматривали его, имеет столько преимуществ перед методом, рассчитанным на правила, которые дети должны усвоить с помощью памяти, что я могут только удивляться (если можно вообще удивляться дурным обычаям), как он мог оставаться в столь большом пренебрежении. Укажу здесь ещё на одно преимущество. Пользуясь этим методом, мы можем видеть, соответствуют ли требования, предъявляемые к ребёнку, его способностям и подходит ли тот или другой приём к природным дарованиям и конституции ребёнка; это ведь также должно приниматься в соображение при правильном воспитании. **Мы не должны рассчитывать на то, чтобы полностью изменить их прирождённые характеры, чтобы сделать весёлого человека задумчивым и серьёзным, а меланхолика весёлым человеком, не портя их. Бог наложил определённую печать на душу каждого человека, которая, подобно его внешнему облику, может быть немного исправлена, но вряд ли можно её целиком изменить и превратить в противоположное.**

Поэтому тот, кто имеет дело с детьми, должен основательно изучить их натуры и способности и при помощи частых испытаний следить за тем, в какую сторону они легко уклоняются и что к ним подходит, каковы их природные задатки, как можно их усовершенствовать и на что они могут пригодиться. Он должен подумать над тем, чего им недостаёт и могут ли они это приобрести с помощью прилежания и усвоить путём практики, и стоит ли об этом стараться. Ибо во многих случаях всё, что мы можем сделать и к чему мы должны стремиться, это использовать наилучшим образом то, что дали природа, предупредить те пороки и недостатки, к которым наиболее предрасположена данная конституция. **Природные дарования каждого должны быть развиваемы до возможных пределов; но попытка привить ребёнку что-либо другое будет только бесплодным трудом, и то, что таким образом будет на нём наклеено, в лучшем случае окажется не к лицу и всегда будет производить неприятное впечатление принужденности и манерности.** (с. 103–104).

Аксиома 19

Нам не может не нравиться гуманный, доброжелательный и деликатный характер, где бы мы с ним не сталкивались. Свободный дух, владеющий собою и всеми своими действиями, не низменный и не ограниченный, не высокомерный и не дерзкий, не запятнанный никакими серьёзными пороками, — вот что пленяет каждого. Поступки, которые естественно исходят от такой благородной души, также нам нравятся, как её подлинные внешние проявления, и поскольку они являются как естественными эманациями духа и внутренней настроенности, они могут быть лишь свободными и непринуждёнными. В этом, мне кажется, заключается та красота, которая светится сквозь поступки некоторых людей, украшает всё, что они делают, и пленяет всех, кто с ними соприкасается: **постоянной практикой они придали своему поведению его форму, и мелкие выражения вежливости и уважения, которые установлены в человеческих взаимоотношениях природой или обычаем, они сделали в себе настолько непринуждёнными, что они кажутся не искусственными или заученными, а естественно вытекающими из душевной мягкости и благожелательной настроенности.**(с. 105)

Аксиома 20

Но всякое притворство, откуда бы они ни проистекало, всегда неприятно; ибо мы естественно ненавидим всё поддельное и осуждаем тех, кто ничем лучшим не может себя зарекомендовать.

Простая и безыскусственная натура, предоставленная самой себе, гораздо лучше искусственной неприятной манеры и подобных заученных приёмов плохой светскости. Отсутствие какого-либо светского качества или изъясн в наших манерах, не отвечающий требованиям идеального изящества, часто не замечаются и не вызывают осуждения. Но всякая неест-

венность нашего поведения бросает только свет на наши недостатки и всегда привлекает чужое внимание, отмечающее в нас отсутствие здравого смысла или искренности. Воспитатели должны следить за этим с тем большей тщательностью, что как я уже отметил выше, эта некрасивая черта бывает благоприобретённой: она создаётся неправильным воспитанием и свойственна людям, которые претендуют на хорошую воспитанность и не желают, чтобы их принимали за людей, не знакомых с правилами хорошего тона и приличия, принятыми в обществе. **Этот недостаток создаётся, если я не ошибаюсь, манерой праздных увещаний тех воспитателей, которые сообщают детям правила и указывают примеры, не сочетая свои наставления с практикой, не заставляя своих воспитанников повторять данные действия в их присутствии, — с целью исправить то, что в них есть неуместного или принуждённого, — пока они не станут вполне привычными и непринуждёнными.** (с. 105–106).

Аксиома 21

При хорошей натуре, проникнутой внутренней деликатностью, время и наблюдения сотрут большую часть внешней грубости, обусловленной недостаточным воспитанием, к тому моменту, когда они подрастут, при том условии, если они воспитываются в хорошей среде. Если же они воспитываются в дурной среде, никакие правила в мире и никакие мыслимые меры исправления не в состоянии будут их отшлифовать. Ибо вы должны признать за несомненную истину, что какие бы наставления вы не давали и какие уроки благовоспитанности вы бы ни вдаблывали в них каждый день, самое большое влияние на их поведение будет оказывать общество, в котором они вращаются, и поведение тех людей, которые за ними смотрят. Дети (да и взрослые люди) в большинстве случаев руководятся в своих поступках примером. Мы все, в некотором роде, хамелеоны, которые всегда принимают окраску окружающих предметов; и нечего удивляться этому в детях, которые лучше понимают то, что видят, чем то, что слышат. (с. 107–108).

Аксиома 22

Заговорив об обществе, я почти готов бросить перо и не беспокоить вас больше этой темой; ведь поскольку общество имеет больше значения, чем все предписания, правила и наставления, то мне думается, почти совершенно бесполезно распространяться о других вещах и толковать об этом почти бесцельно. Ведь вы готовы задать мне вопрос: что же мне делать с моим сыном? Если я стану держать его всегда дома, я рискую тем, что он будет надо мной командовать; если же я буду держать его у чужих людей, то как можно будет уберечь его от заразы грубости и порока, которые повсюду так распространены? Дома он, может быть, сохранит больше невинности, но в то же время будет меньше знать жизнь: оставаясь всегда в одном и том же обществе и имея всегда дело с одними и теми же лицами, он, выйдя в свет, окажется ограниченным существом или чудачком. Такой взрослый птенец, лишь только он появится со всей степенностью, вынесенной из родного гнезда, непременно привлечёт к себе взоры и крики всего городского птичника, где найдётся и немало хищных птиц, готовых немедленно броситься в погоню за ним.

Единственная защита от света заключается в основательном знании его, которое нужно сообщать молодому человеку постепенно, в той мере, в какой он может его усваивать, и чем раньше, тем лучше, раз он находится в надёжных и искусных руках. Занавес нужно приоткрывать понемногу и вводить его нужно шаг за шагом, указывая опасности, ожидающие его со стороны некоторых званий, характеров, намерений и кружков. Следует подготовить его к тому, что одни будут его задирать, другие ласкать; предупредить его, кто, по всей вероятности, будет враждовать с ним, кто — направлять на ложный путь, кто — подкапываться под него и кто — оказывать услуги. Следует научить его, как распознавать и различать их, в каких случаях он должен давать им понять, что он видит их, их цели и махинации, и когда он должен это скрывать.

Я признаю, что каждый из этих двух путей имеет свои отрицательные стороны. Пребывание вне дома, правда, делает мальчика более смелым и более способным к тому, чтобы возиться и тягаться со своими сверстниками; кроме того, соревнование со школьными товарищами часто развивает в мальчиках живость и энергию. Но эта смелость и живость которую подростки приобретают в среде своих школьных товарищей, **обычно представляют такую смесь грубости и дурно направленной самоуверенности, что им приходится отучиваться от этих непристойных и неблагородных способов пробиваться в жизни и смывать с себя всю приобретённую окраску, чтобы очистить место для более высоких принципов и таких методов поведения, которые делают человека действительно достойным.** Кто примет в соображение, насколько противоположны друг другу умение жить добропорядочно и вести свои дела, как подобает человеку, с одной стороны, и та дерзость, плутовство и насилие, которым научает школьная среда, — с другой, тот согласится, что недостатки домашнего воспитания бесконечно предпочтительнее подобным достижениям, и постарается оберегать у себя дома невинность и скромность своего ребёнка — качества более родственные тем качествам, которые создают полезного и способного человека, и легче к ним приводящие. Никто также не найдёт и даже не предположит, чтобы уединение и стыдливость, в которой воспитываются его дочери, делало из них менее знающих и менее способных женщин. Когда они вступят в свет, общение с людьми сообщит им приличную уверенность в себе; а грубость и развязность, которые присоединяются к этому качеству, не нужны и мужчинам, ибо мужество и настойчивость, как я их понимаю, заключаются не в грубости и в невоспитанности. (с. 108–109, 132).

Аксиома 23

Если верить общим жалобам, порок в наши дни так быстро созревает и так рано пускает корни среди молодёжи, что подросток не будет застрахован от этой распространённой заразы, если вы решитесь выпустить его из дому в общую массу сверстников и в выборе школьных товарищей вы доверитесь случаю или его собственным склонностям. Какие роковые причины привели к столь пышному расцвету порока среди нас в последние годы и кто доставил ему такое неограниченное господство, — это я предоставляю другим исследовать. Я желал бы, чтобы те, кто жалуется на великий и повсеместный упадок христианского благочестия и христианской добродетели, образования и приобретённой культуры среди джентри* нашего поколения, задумались над тем, как это скорее исправить. **Я убеждён, что если при разрешении этой задачи не положить в основу воспитания юношества внедрение в него добрых начал, то все остальные усилия останутся тщетными. И если не позаботиться о насаждении и сохранении в подрастающем поколении невинности, умеренности и трудолюбия, то будет очень смешно рассчитывать, что те, которым предстоит в ближайшее время выступить на жизненной арене, будут обладать очень большой мерой той добродетели, способностей и образования, которые до недавнего времени обеспечивали Англии её роль в мире. Я бы добавил: и мерой мужества, — хотя оно считается природным и наследственным качеством англичан.** И я думаю, невозможно найти пример нации, которая, как бы она ни прославилась своим мужеством, сохранила бы славу своего оружия или стала бы грозной для своих соседей после того, как в неё проник разврат и разрушил узы дисциплины, после того, как порок настолько поднял голову, чтобы позволить себе выступать открыто, без всяких стеснений.

* Джентри — «новые англичане», но в отличие от «новых русских» не такие примитивные, как в своё время и «новые американцы», более культурные что ли: брали не воровством, а деловой хваткой и никогда не опускались до бандитского рэкета, а тем более до отстрела конкурентов.

Итак, не скороспелая развязность или мелкие приёмы житейской хитрости, а добродетель в прямом смысле является высокой и трудно достижимой целью воспитания. Всякие другие цели и достижения должны отступить перед нею на задний план. Это и

есть то прочное и существенное благо, которое не должно быть только предметом наставлений и бесед воспитателя, но весь труд и всё искусство воспитания должны быть направлены к тому, чтобы вооружить* душу добродетелью, закрепить её в ней, не прекращая этих усилий до тех пор, пока молодой человек органически не полюбит её и не начнёт видеть в ней свою силу, свою славу, своё удовольствие. (с. 112).

* Посредством выработки нравственных привычек методом «повторной практики»

Аксиома 24

Джентльмен в значительной мере может обойтись, не рискуя большим умалением своей личности или ущербом для своих дел, и без большей части тех знаний, которые обыкновенно преподаются в современных европейских школах и обычно включаются в программу воспитания. Но благоразумие и благовоспитанность необходимы во всех положениях и при всяких обстоятельствах жизни. Между тем большинство молодых людей страдают недостатком этих качеств и вступают в жизнь менее отшлифованными и менее поворотливыми, чем следовало бы. Причина этого заключается именно в том, что эти качества, которые всего необходимее воспитать в них, и воспитание которых более всего требует участия и помощи воспитателя, как правило остаются в пренебрежении: считается, что это вовсе не входит в круг обязанностей воспитателя или является лишь маловажной их частью. Всё общественное внимание — сосредоточивается вокруг латыни и обучения наукам; и главный упор делается на то, чтобы мальчик преуспевал в предметах, значительная часть которых не имеет никакого отношения к жизненному призванию джентльмена, которое предполагает знания делового человека и подобающее его общественному рангу поведение и сводится к тому, чтобы он стал заметным и полезным человеком в своей стране сообразно своему положению. Если часы досуга или желание усовершенствоваться в каких-либо отраслях знания, в которые воспитатель только ввёл его, побудят его сесть за учение, то усвоенные им ранее начатки знания в достаточной мере укажут ему путь, чтобы он мог при помощи собственного усердия пойти так далеко, как ему подскажет желание и позволят его способности...

Джентльмен, который пожелал бы иметь более глубокие познания, должен этого добиться уже потом, собственными дарованиями или усердием; ибо никто ещё не достигал больших успехов в области знания и не становился выдающимся знатоком в какой-либо науке благодаря дисциплине и принуждению со стороны наставника. (с. 133–134).

Аксиома 25

Вы, может быть, удивитесь, что я ставлю учение на последнем месте, особенно, если я скажу вам, что придаю ему наименьшее значение*. Это может показаться странным в устах книжного человека и тем более похожим на парадокс, что обычно главным образом вопрос об учении вызывает оживлённое обсуждение, когда речь идёт о детях, и почти только этот вопрос и имеется в виду, когда люди говорят о воспитании. Когда я размышляю о том, сколько шума идёт вокруг вопроса о маленькой дозе латыни и греческого языка, сколько лет тратится на её усвоение и сколько бесплодных забот и хлопот на это уходит, то я едва могу удержаться от мысли, что родители детей продолжают жить под страхом розги школьного учителя, в которой они видят единственное орудие воспитания, как будто вся цель последнего заключается в изучении одного-двух языков. Ибо иначе — как был бы возможен тот факт, что детей держат прикованными к скамье в течение семи-восьми или десяти лучших лет их жизни ради усвоения одного или двух языков, которые, как мне думается, можно было бы усвоить с гораздо меньшей затратой труда и времени и изучить почти играючи.

* Из классиков научной, природосообразной педагогики Локк был первым, кто строго отделил воспитание от обучения и доказал категорическую необходимость этого акта. Его плодотворность убедительно подтвердил Макаренко, который своим опытом и своей великолепной теорией окончательно развенчал

вредоносность гербартианского «воспитывающего обучения». В 1936 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» гербартианство было «восстановлено в правах» и тем самым при поддержке лжеучёных из АПН-РАО фактически изгнало из школы «собственно воспитание», что превратило школу в рассадник хамства и хулиганства, цинизма, распущенности и т.п. Вкупе с «государственным образовательным стандартом» «воспитывающее обучение» на наших глазах добывает школу и детей, а президент, правительство, суд и прокуратура не обращают на это никакого внимания. Но самое удивительное, что с этим беспределом смирились родители, которые для спасения своих чад не бьют во все колокола и даже не шевелят пальцем. Сломались от чиновного гнёта, смирились с тем, что плетью обуха не перешибёшь. Забитые, апатичные, жалкие трусы не способные постоять даже за собственного ребёнка.

Поэтому — простите меня — но я не могу спокойно думать о том, что молодого джентльмена считают необходимым втолкнуть в общее стадо и затем погонять его розгой и плёткой из класса в класс, как бы сквозь строй, ради того, чтобы он «приобрёл интеллектуальную культуру» («*ad capiendam ingenii cultum*»). Как же, скажете вы, по-вашему, он не должен уметь читать и писать? Неужели он должен быть невежественнее нашего приходского пономаря, который Гопканиса и Стернхольда* считает лучшими поэтами в мире, да к тому же своим плохим чтением превращает их в нечто худшее, чем они есть на самом деле?

* *Гопканис и Стернхольд* — авторы английского перевода «Псалмов» древнееврейского царя Давида. Перевод был издан в середине XVI в.

Не торопитесь, пожалуйста. Читать и писать, обучать наукам — всё это я признаю необходимым, но не главным делом. Я думаю, что вы сочтёте совершенным глупцом того, кто добродетельного или мудрого человека не поставит бесконечно выше большого учёного. (с. 176–177).

Аксиома 26

Когда ребёнок умеет говорить, можно уже начать учить его читать. Но по этому поводу позвольте мне здесь снова напомнить о том, что слишком легко забывается, а именно: необходимо всячески заботиться о том, чтобы учение никогда не превращалось в обязательную для него работу, чтобы ребёнок не смотрел на это как на задание. Как я уже сказал, мы, по природе своей, с самой колыбели любим свободу и поэтому питаем отвращение ко многим вещам только потому, что они нам предписываются. На детей не следует возлагать ничего, похожего на работу, никакого серьёзного дела: они не в состоянии вынести это ни душевно, ни физически. Это только приносит вред их здоровью; и я не сомневаюсь, что многие возненавидели книги и за книгу в том возрасте, который не выносит такого принуждения — это подобно пресыщению, после которого остаётся неустранимое отвращение. (с. 177–178).

Аксиома 27

Ни один предмет, который они должны изучить, не следует превращать в бремя для них или навязывать им как нечто обязательное. Всё, что предлагается в такой форме, немедленно становится скучным; душа проникается отвращением к этому, даже в том случае, если оно раньше было для неё приятно или безразлично. Заставьте ребёнка ежедневно известное время гонять свой волчок, хочется ли ему это делать или нет; требуйте этого от него как обязанности, которой он должен уделить столько-то часов утром и после полудня, — и вы увидите, как скоро ему надоест при таких условиях любая игра. А разве не то же самое бывает и со взрослыми людьми? Разве то, что они с удовольствием делают по своей воле, не становится сразу же для них тягостным и невыносимым, как только они увидят, что это вменяется им в обязанность? Думайте о детях, как вам угодно, но им также хочется показать, что они свободны, что их хорошие поступки исходят от них самих, что они самостоятельны и независимы, — как это хочется самому гордому из вас, взрослых людей.

При правильной организации дела занятие каким-либо предметом учебной программы можно было бы превращать в такой же отдых от игры, каким игра является после учения.

Труд одинаков в том и в другом случае. Да и не он отталкивает детей; ибо они любят быть занятыми, а перемены и разнообразие естественно увлекают их. Единственная разница в том, что при так называемой игре они действуют по своему усмотрению и свободно прилагают свой труд (которого, как вы можете заметить, они никогда не щадят), а к учению их принуждают: их зовут, сажают насильно, подгоняют. Это-то их сразу отталкивает и охлаждает: они чувствуют утрату свободы. Добейтесь того, чтобы не воспитателю приходилось звать учиться, а чтобы они сами просили его поучить их, как они просят товарищей поиграть с ними; и тогда удовлетворённые тем, что и здесь они действуют так же свободно, как и в других случаях, они и за учение будут приниматься с таким же удовольствием, и оно не будет отличаться от других их развлечений и игр. Тщательно придерживаясь этих приёмов, можно возбудить в ребёнке желание научиться всему, чему бы вы хотели его научить. (с. 114–115).

Аксиома 28

Теперь представим себе, что вы дали своему сыну понять, что он от вас зависит и находится в вашей власти, и тем установили ваш авторитет; что непреклонно суровым отношением к нему в тех случаях когда он упорствует в какой-нибудь дурной, запрещённой вами шалости и особенно во лжи, вы внушили ему почтительный страх; что, с другой стороны, предоставляя ему полную свободу, подобающую его возрасту, и не подвергая его в своём присутствии никаким стеснениям в его детских проказах и забавах (которые в детстве ему так же необходимы, как пища и сон), вы сделали ваше общество для него приятным; что своей снисходительностью и нежностью и в особенности лаская его в каждом случае, когда он поступает хорошо, и показывая ему свою привязанность в разнообразнейших формах, отвечающих его возрасту, которым природа научает родителей лучше, чем я могу научить, вы убедили его в вашей заботливости и любви к нему, — вот в этом случае и можно сказать, что вы привели его в такое состояние, какого могли бы желать: ибо вы взрастили в его душе чувство истинной почтительности, которое вам надлежит и в дальнейшем тщательно поддерживать в обоих его элементах — любви и страхе; а это — два великих начала, которые дадут вам возможность всегда влиять на него и направлять его душу на пути добродетели.

Раз этот фундамент хорошо заложен и вы находите, что чувство почтения начинает в нём действовать, ближайшая задача заключается в том, чтобы тщательно разобраться в его характере, в особенностях его душевной конституции. Упрямство, лживость и злонравные поступки не должны (как уже было сказано) допускаться с самого начала, каковы бы ни были особенности его характера. Нельзя допускать, чтобы эти семена порока пустили какие бы то ни было корни; здесь должен выступить на сцену ваш авторитет: он должен действовать на его душу, как только в ней возникли малейшие проблески сознания, и с силой естественного закона, а именно так, чтобы ребёнок не заметил, когда именно ваш авторитет начал действовать, чтобы он не мог представить себе, что когда-либо могло быть иначе. Если почтение, которое он должен питать к вам, установится таким образом рано, ваш авторитет будет всегда для него священен, и ребёнку будет так же трудно противиться ему, как законам своей природы.

Установив таким образом очень рано свой авторитет и приучая ребёнка путём достаточно мягкого его применения стыдиться того, что ведёт к безнравственным привычкам (ибо я отнюдь не желал бы, чтобы вы употребляли брань или побои, если только упорство и неисправимость не создают абсолютной необходимости применить эти меры), вы должны, как только вы начинаете замечать в нём такие проявления, разобраться в том, в какую сторону направляет его природный склад его души.

Одни люди в силу неизменного склада своей конституции, смелы, другие робки, одни самоуверенны, другие скромны, люди бывают покладисты или упрямы, любознательны или беззаботны, подвижны или вялы. В лицах и внешних очертаниях тела людей наблюдается не больше различий, чем в строе и характере их души; разница здесь лишь в том, что характерные черты лица или линии тела со временем и с возрастом становятся яснее и отчётливее; в

то время как особенности душевной физиономии наиболее различимы в детях, пока искусство и хитрость ещё не научили их скрывать свои недостатки и прятать свои дурные наклонности под фальшивой внешностью.

Поэтому начинайте внимательно наблюдать за характером вашего сына своевременно. В такие моменты, когда он совершенно непринуждённо отдаётся своей игре и думает, что вы за ним не следите, присматривайтесь к тому, какие страсти и наклонности в нём преобладают: пылок ли он или кроток, дерзок или застенчив, сострадателен или жесток, откровенен или сдержан и т.д. Ибо сообразно различию этих качеств должны быть различны и ваши методы и различным же образом должен проявляться ваш авторитет. Эти прирождённые наклонности, эти преобладающие особенности конституции не поддаются исправлению путём правил или прямого противодействия; особенно более низменные и дрянные из них, проистекающие из страха и малодушия, хотя, при умении, можно и их в значительной степени исправить и направить на хорошие цели. Но будьте уверены: если даже это удастся сделать, то всё-таки отклоняющая сила всегда будет перевешивать в ту сторону, куда направила её природа в самом начале. Поэтому если вы тщательно наблюдаете за свойствами его души, когда развёртываются только первые сцены его жизни, то вы будете в состоянии судить о направлении его мыслей и стремлений также и впоследствии, когда драматическое действие будет становиться сложнее и ваш сын, разыгрывая его, будет менять свой внешний облик. (с. 138–140).

Аксиома 29

Я говорил вам раньше, что дети любят свободу и что поэтому нужно заставлять их делать то, что следует им делать, таким образом, чтобы они не чувствовали над собою никакого принуждения. Теперь же я вам скажу, что есть вещи, которую они любят ещё больше: это власть! Она именно и является первоисточником большинства порочных привычек, обычных и естественных. Эта любовь к власти и господству проявляется очень рано и в указываемых мною ниже двух формах.

Мы видим, что дети почти с момента своего появления на свет (и уж наверное задолго до того, как научатся говорить) плачут, капризничают, сердятся и расстраиваются только ради того, чтобы добиться исполнения своего желания. Они хотят, чтобы другие подчинялись их желаниям; они требуют полной поправки от всех окружающих, особенно от тех, кто по возрасту или положению близок к ним или ниже, — лишь только они начинают замечать в других эти различия.

Другое проявление их любви к господству — это желание присваивать себе вещи. Они стремятся к обладанию и к собственности; им нравится та власть, которую, как им кажется, доставляет собственность, то право распоряжаться вещами по своему усмотрению, которое они при этом получают. Кто не замечал в детях очень ранних проявлений этих двух наклонностей, тот плохо наблюдал за детским поведением; а кто не считает нужным уже в ранние годы уничтожать эти два источника всякой неправды и вражды, столь расстраивающих жизнь человечества, и заменять их противоположными привычками, тот упускает подходящий момент для закладки фундамента хорошего и достойного человека. (с. 139).

Аксиома 30

Ложь — это такой подходящий и доступный покров для всякого рода дурного поступка и настолько распространена среди всякого рода людей, что ребёнок вряд ли может не заметить, как ею пользуются во всех случаях; и только самой тщательной заботой можно сберечь его от опасности впасть в этот порок. Но это столь дурное качество и мать столь многих пороков, порождаемых и прикрываемых ложью, что необходимо внушать ребёнку величайшее отвращение к ней. О ней следует всегда (если случайно, по какому-либо поводу, заходит о ней речь) говорить с величайшим негодованием, как о качестве настолько несовместимом с именем и природой джентльмена, что ни один человек, пользующийся хоть каким-нибудь уважением, не может потерпеть, чтобы его обвинили во лжи; о ней нужно говорить, как о

признаке крайней бесчестности, низводящей человека на крайнюю ступень постыдной низости и ставящей его на один уровень с самой презренной частью человечества и самыми отвратительными негодяями; как о чём-то, что не может быть терпимо ни в ком, кто желает иметь дело с порядочными людьми или пользоваться каким-либо уважением или доброй репутацией в свете. **Когда ребёнок в первый раз замечен во лжи, целесообразнее реагировать на это изумлением, как на неожиданно чудовищный поступок с его стороны, а не наказывать его, как за обыкновенный проступок.** Если это не удержит его от повторения, то в следующий раз он должен получить строгий выговор и почувствовать большую немилость отца или матери и всех окружающих, знающих о его поступке. А если и этот способ не подействует, вы должны прибегнуть к побоям: ибо после таких предупреждений умышленная ложь должна всегда рассматриваться как упорство и никогда не должна оставаться безнаказанной. (с. 165).

Аксиома 31

Дети, боясь, чтобы их проступки не обнаружили во всей своей наготе, склонны, подобно всем остальным сынам Адама, придумывать для себя оправдания. Это — недостаток, который обычно граничит с ложью или приводит к ней и потому не должен быть терпим в них; но устранять его нужно скорее пристыживанием, чем суровостью. Поэтому если ребёнок, спрошенный о чём-нибудь, начинает с оправдания, то советуйте ему в серьёзном тоне рассказать правду; **если и после этого он упорно продолжает хитрить и лгать, его следует наказывать. Но если он сразу сознается, вы должны похвалить его за искренность и простить ему его проступок, каков бы он ни был, и простить так, чтобы никогда больше не попрекать им и не напоминать о нём.** Ибо, если вы хотите, чтобы он любил быть чистосердечным, если вы хотите **постоянной практикой** привить ему привычку всегда быть чистосердечным, то вы должны заботиться о том, **чтобы это никогда не причиняло ему ни малейшей неприятности.** Напротив, откровенное признание с его стороны не только должно влечь за собой полную безнаказанность, но, помимо того, должно поощряться какими-нибудь знаками одобрения. Если его оправдание в каком-либо случае таково, что вы никак не можете установить в нём какую-либо ложь, то пусть оно сойдёт за правду. И вы ни в коем случае не должны выказывать какое-либо подозрение. Пусть он ценит своё доброе имя, которым пользуется в ваших глазах, возможно выше ибо, если он однажды убедится, что он его потерял, вы тем самым утратите сильное и лучшее средство влиять на него. Поэтому до тех пор, пока вы можете так поступать, не поощряя в нём лживости, не давайте ему думать, что вы считаете его лжецом. Из этого соображения можно на маленькие отступления от истины смотреть сквозь пальцы. Но после того как он был однажды наказан за ложь, вы уже никогда ни в коем случае не должны прощать её, раз только вы заметите, что он провинился в ней. Ибо, раз этот проступок был ему запрещён и он мог в дальнейшем его избежать, если бы не стремился к нему умышленно, повторение проступка свидетельствует о полной испорченности и должно повлечь за собой подобающее наказание. (с. 166).

Аксиома 32

Таковы мои мысли относительно общего метода воспитания молодого джентльмена. Я склонен думать, что этот метод может оказать известное влияние на общий ход его воспитания; но я далёк от мысли, что им охвачены и все частные моменты, которые могут быть выдвинуты возрастом или особенностями характера. Предпослав эти общие соображения, мы должны теперь перейти к более специальному рассмотрению некоторых частных вопросов воспитания джентльмена*. (с. 166).

* Все аксиомы выбраны из книги Локка «Мысли о воспитании» (см. Локк Джон. Пед. соч. — М., 1939).
Выборка, предисловие и комментарии — сделаны В. Кумарином, профессором, доктором педагогических наук.